

Постановка, которую поставила режиссёр Морехлада Пэррот, называлась «На борту "Доблестного"».

Действие происходило в современности. Десять путешественников готовились сесть на подводное судно «Доблестный» и спуститься по реке Райи к другому городу — кто ради встречи с роднёй, кто по делам. Им предстояло провести на борту двое суток, отрезанных от внешнего мира, — и они не знали, что в тот момент, когда поднимались на судно, за ними следовала ужасающая тьма.

Без сомнения, злодейку, которую играла Кристабель, можно было отнести к одной из ипостасей этой тьмы.

Последний раз Кристабель видела театральные постановки ещё в средней школе. Тогда школьный драмкружок ставил пьесу «Арх-инквизитор громит ведьму-обольстительницу» на новогоднем празднике. В тот день она сидела плечом к плечу с одноклассниками в душном, плохо проветриваемом актовом зале, где от недостатка кислорода у всех мутилось в голове. Единственное, что ей запомнилось — это как мальчишки с похабными интонациями обсуждали, что, не будь данное представление школьным, игравшая ведьму актриса выходила бы на сцену лишь в одном обтягивающем трико.

Поскольку теперь Кристабель тоже играла злодейку, похожую на ту ведьму, она думала, что и ей придётся надеть что-то подобное. Однако в первый день репетиций высокая и худощавая Морехлада выдала каждому толстенный сценарий и усадила всю труппу прямо на потрескавшиеся доски сцены театра «Любовная муза», приказав читать реплики вслух по очереди.

В ходе чтения она разносила всех актёров вдребезги.

Трёхчасовая пьеса превратилась в целый день громких чтений, и Кристабель, безусловно, досталось сильнее всех — у неё ведь не было никакой языковой подготовки.

От ругани режиссёра даже не зная страх Кристабель почувствовала, что Морехлада вот-вот выгонит её. Но, вопреки ожиданиям, та не сказала ничего фатального — лишь бросила:

«Даже хрюканье свиней звучит приятнее, чем твоя дикция. Завтра если снова будешь так мычать — лучше катись прочь».

На фоне других тирад это звучало почти как снисхождение.

Кристабель могла стерпеть кулаки Сандалноса. Она терпела ругательства родителей и слова покойного мужа — а они, честно говоря, не были приятнее слов режиссёра. Поэтому после всего дня брани она даже чувствовала себя неплохо.

До тех пор, пока после репетиции не вышла вместе с остальными через чёрный ход театра и не

увидела снова того, кого считала — и теперь знала наверняка — последователем Девы Серебряной Луны, инвестора труппы Радоцвета Сикадира.

Благородный на вид оленелюд средних лет держал букет цветов и улыбался Кристабель.

Позади него, казалось, выростала высокая тень — расплывчатый силуэт с тёмной кожей, отёкшими конечностями и жёлтыми зубами, блестящими в широкой ухмылке.

Кристабель не испугалась этого призрака.

Её рука лишь машинально потянулась к подолу юбки — туда, где ей так не хватало тонкого ритуального ножа.

Она чувствовала, что взгляды коллег по труппе, с которыми женщина познакомилась всего пару дней назад, уже изменились.

«Как странно, — думала она, — теперь я могу различать такие тонкие оттенки взглядов».

Некоторые актёры смотрели вовсе не на неё, а на букет в руках Радоцвета — на алхимические цветы.

Хотя живые растения считались проявлением скверны, стремление к прекрасному являлось частью человеческой природы. Поэтому бедняки украшали дома искусственными тканевыми цветами, а богачи — алхимическими, настолько искусными, что их невозможно было отличить от настоящих.

Алхимики под покровительством Золотого Молота поддерживали работу всех городов: от тончайших материалов до туалетной бумаги — всё производили огромные алхимические фабрики. Без них жизнь Линя в этом мире была бы в сто раз мрачнее. А ведь, размышляя два года назад, как заработать, Линь прежде всего хотел стать именно алхимиком, а не ритуалистом.

Если бы Линь выбрал путь алхимика, он за полгода смог бы оплатить лечение Параибы. Но обучение в школе Золотого Молота стоило десять тысяч за семестр, не считая книг и реагентов.

Так что только богатые могли позволить себе эту профессию.

Только богатые могли купить хотя бы один алхимический цветок — пятьдесят юаней за штуку.

Лепестки и листья таких цветов были мягкими, как настоящие; они даже вяли и при этом сохраняли особую, печальную красоту — произведение искусства, недоступное простому

горожанину.

В букете Радоцвета насчитывалось девять таких алхимических цветов.

Если бы Кристабель приняла этот букет и приглашение на ужин, то, даже продав цветы на следующий день, обеспечила бы себя на целый год вперёд.

Но она отказалась.

Сомнительное решение — но, если бы женщина согласилась, результат всё равно вряд ли оказался бы лучше.

На следующий день, когда Кристабель снова пришла на репетицию, те коллеги, что раньше улыбались и даже помогали ей с произношением, уже смотрели на неё привычным холодным взглядом — тем самым, к которому она привыкла ещё со времён начальной школы: вежливое безмолвие, равнодушие, отчуждение.

И теперь единственным человеком, не изменившим отношения, была режиссёр Морехлада. Её резкие окрики даже казались утешительными.

А в тот вечер Радоцвет вновь пришёл к театру — с новым букетом алхимических цветов — и повторил своё приглашение на ужин.

— На самом деле, у меня при себе был нож, — призналась Кристабель своему богу. — Я чуть не ударила его. В последнюю секунду вспомнила ваше наставление — и отпустила рукоять. Но ведь вы велели мне следить за ним, узнать о нём, определить его силу служителя... А теперь, как только вижу его, мне хочется убивать. Повелитель, что же мне делать?

Линь:

— ...

Моисей:

— ...

Что тут скажешь? Реакция Кристабель вовсе не сводилась к простому «желанию убивать». Совершенно очевидно — виноват тот самодовольный оленелюд!

— Он не даёт Кристабель выстроить нормальные отношения в коллективе, — сказал Моисей. — Если однажды она исчезнет из труппы, то никто даже не поинтересуется, куда она делась...

Очень опытная рука. Похоже, не впервые действует.

Линь согласно кивнул — за полгода службы он успел прочесть немало дел с похожим почерком.

— «Но, честно говоря, особого смысла в этом нет, — размышлял Линь, общаясь с Моисеем мысленно. — Культисты Искажения в Альманвиле считают убийство своего единоверца позором. Обычно они предпочитают публично и жестоко казнить обидчика, чтобы показать, что не прощают нападения на "братьев". Тот мышелюд, что прежде напал на Кристабель, хотел сделать именно это. А похищение — тихое, бесшумное — не в их духе».

— Не в духе культистов, — согласился Моисей, — но у того оленелюда может быть свой интерес. Когда у тебя появится побольше последователей, сам поймёшь — они никогда не слушаются.

«Что, выходит, управленческие дисциплины входят в божественный курс?»

Только что закончив «экзамен» Кристабель, Линь почувствовал, как у него снова заболела голова: ещё один предмет к изучению. Но сильнее всего его мучил вопрос — что теперь делать с померанкой?

Если отправить её дальше расследовать Радоцвета, всё лишь запутается — она может сорваться и действительно убить.

Не то чтобы Радоцвета нельзя было убить: если он и вправду культист, Линь бы сам похлопал по плечу за «хорошую смерть». Но прямое убийство вызовет для Кристабель большие проблемы. Она ведь только начала восстанавливаться — к чему снова рушить всё?

«А впрочем... действительно ли Кристабель хочет убить Радоцвета?»

Наблюдая за её спокойными, но полными напряжения глазами, Линь вдруг взглянул в сторону.

Перед ним раскрылись шесть-семь зеркал, и в каждом отразились Кристабель: одна холодная, исполненная ярости, другая — мягко улыбающаяся над кроваткой малышки Нефрит, третья — хмуро уткнувшаяся в учебник, не понимающая текст...

Все её эмоции оставались прозрачны для взгляда Линя.

А за всеми отражениями стояло ещё одно зеркало — там Кристабель была в цепях.

Она плакала и дрожала, молила Линя:

«Как страшно... Страшно...»

Она стояла на коленях в кровавой луже. В отражении крови — не она, а Сандалнос Доган, её муж: кожа тёмная, конечности распухшие. А перед ней — Радоцвет Сикадир с обломанным рогом, держащий в руках не букет, а нож.

— Ах... — Линь тихо вздохнул.

Кристабель, услышав этот вздох, не поняла, почему её господь вздыхает.

«Теперь всё стало ясно. Она никогда не исцелялась».

Даже после того, как Линь вырезал из её сознания страх, страх остался — лишь сменил форму.

Теперь вместо страха она ощущала порыв убивать.

Она носила при себе нож не из уверенности, а из ужаса.

— Что же с тобой делать?.. — прошептал Линь.

Кристабель услышала голос господя. Его глаза — один розовый, другой серебряный — смотрели на неё особенно мягко.

— Понимаю, — сказал Око Зазеркалья, — тогда поступи так: донеси на него, мисс.

— ...Донести? — переспросила Кристабель, растерявшись.

— Ты ведь живёшь под одной крышей с инквизитором, — пояснил Око Зазеркалья. — Скажи своей соседке, что тебе не по себе рядом с Радоцветом, что он напоминает тебе покойного мужа. Пусть расследует она. Разведка, слежка — всё это не твоё дело; пусть займётся тот, кто для этого создан. Разве не удобно?

Глаза Кристабель засияли; в одном из зеркал её рыдания стихли.

— А теперь, мисс, — улыбнулся Око Зазеркалья, — экзамен на сегодня окончен. Следующий будет завтра. И ты, и малышка Нефрит — спите спокойно.

Образ бога растворился.

Кристабель невольно расслабилась; усталое тело налилось тяжестью. Она сидела без мыслей, пока вдруг не заметила — дочь больше не плачет.

Повернувшись, Кристabelle увидела, что малышка Нефрит, которая обычно в это время бодрствует, мирно сопит, лепеча надутыми губками во сне.

***

— Похоже, я действительно начинаю на неё надеяться, — сказал Линь Моисею.

— В каком смысле? — приподнял бровь Моисей. — Она ведь твоя единственная последовательница. Разве ты раньше не надеялся?

— Я просто советовал ей работать и учиться из человеколюбия, — признался Линь. — Но сейчас понял, что, пожалуй, слишком суров к ней. Если бы...

Если бы всё это случилось в прежнем мире, Кристabelle давно бы получила поддержку от фонда помощи жертвам насилия, психотерапию, социальную адаптацию...

— Теперь же она функционирует только благодаря моему вмешательству, — продолжил он. — Хотя... это ведь уже что-то. Может быть, однажды она сможет справиться и без меня? Сама победит свой страх?

— Если ты веришь в неё, — уверенно сказал Моисей, — значит, она справится.

— А вот я не так уверен, — вздохнул Линь, — но ладно... приступим к уроку. Учитель Моисей, расскажешь, зачем вообще нужна вера?

— Нет, — буркнул Моисей, цокнув языком и отвернувшись.

— Э? Почему? Мы же договаривались — ты будешь...

— Ваше высочество, — перебил он и резко повернулся.

— Да? — Линь моргнул.

— Прямо сейчас ты — просто болезненный слабак с температурой!

Русал схватил его за руку, так же резко, как в тот первый день, когда потащил Линя под воду,

и рявкнул:

— Ты, мать твою, тоже марш спать!

И с этим швырнул божество обратно в тело.

Линь даже не успел возмутиться — усталость, раны, бессонные ночи и жар обрушились на него, как тяжёлое одеяло. Он закашлялся, чувствуя холод в конечностях, но сон уже накатывал неотвратимо.

Последним образом в его голове перед сном были глаза верховного инквизитора.

«Наверное, он снова не спит этой ночью...» — подумал Линь, погружаясь в тьму.

***

Однако не только Фельдграу Дуофюр не спал той ночью.

В воскресное утро, зевая после ночной смены, Весполаро Хаски вернулась домой и обнаружила, что Кристабель — которая по идее уже должна была отвести малышку Нефрит в дневной приют — всё ещё находилась дома.

— Весполаро, — позвала её Кристабель, теперь уже без церемоний, — я хотела с тобой кое о чём поговорить.

Услышав это, пёсолюдка породы хаски насторожила уши.

— О чём? — спросила она, широко распахнув глаза.

<http://bllate.org/book/12612/1119998>